

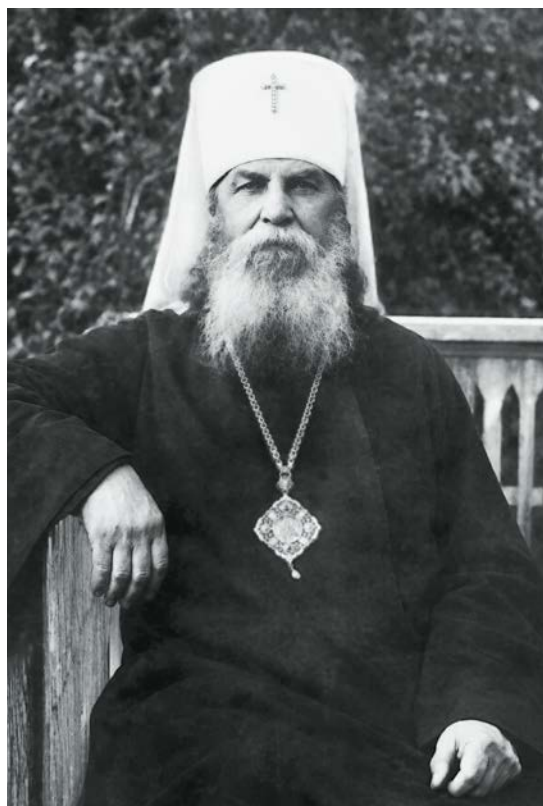
1926 год в истории Русской Церкви

«Журнал Московской Патриархии» традиционно предлагает анализ послереволюционных лет жизни Русской Церкви. На этот раз в статье доктора теологии, доктора церковной истории, профессора, главного научного сотрудника Православного Свято-Тихоновского государственного университета **священника Александра Мазырина** обращено внимание на 1926 год, полный непростых и трагических событий.

1926 год, как и предыдущие послереволюционные, оказался наполненным драматическими событиями для Русской Православной Церкви. Богоборческая большевистская власть усиливала натиск на Церковь. Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский) в конце 1925 года был арестован и помещен во Внутреннюю тюрьму ОГПУ на Лубянке. Его заместитель митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), связанный подпиской о невыезде из своего кафедрального города, не мог прибыть в Москву и полноценно возглавить церковное управление. Высшую церковную власть при негласной поддержке Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б) и ОГПУ пыталась захватить группа деятелей во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским) — «обновленчество второго призыва», как метко охарактеризовал новых раскольников священномученик митрополит Кирилл (Смирнов)¹. Всё это происходило в условиях непрекращавшихся провокаций со стороны поддерживаемых так называемой Вселенской Патриархией раскольников-обновленцев «первого призыва».

Сценарий появления на свет раскола григорианского был очень похож на сценарий возникновения раскола обновленческого: насильственное устранение канонического Предстоятеля Православной Церкви (тогда — Святейшего Патриарха, теперь — Патриаршего Местоблюстителя); организационное оформление самозванной группы лиц (тогда — по преи-

муществу пресвитеров, теперь — архиереев), объявивших себя высшим церковным руководством; легализация этой группы советской властью. Однако важным отличием от ситуации насаждения в 1922 году первого обновленчества было то, что если тогда богоборческая власть ставила перед собой задачу полной ликвидации «тихоновщины», то в случае с новым расколом готова была довольствоваться лишь «разложением тихоновцев». Установки на поголовные

*Священномученик
Петр (Полянский),
Патриарший
Местоблюсти-
тель, преемник
святителя Тихона
(Беллавина)*

аресты церковных оппонентов григориан не было. Митрополит Сергей, как, вероятно, самый искушенный российский церковный политик того времени, довольно быстро смог просчитать эту линию АРК-ОГПУ и организовал весьма эффективный отпор григорианам. К этому его в начале 1926 года побуждали и церковные ревнители, в частности православные украинские епископы, которые искали (и нашли) в Заместителе Местоблюстителя каноническую точку опоры для борьбы с новыми местными просоветскими раскольниками (так называемыми лубенцами, выдвигавшими лозунг «канонической украинской автокефалии»)².

Неприятие Церковью раскольников-григориан было вызвано даже не столько их самочинием (учреждением самозванного Временного Высшего Церковного Совета, ВВЦС), сколько тем, что в них увидели открытых пособников богоборческой власти (отсюда и уподобление их обновленцам, притом что сами организаторы ВВЦС подчеркивали, что не допустят никаких антиканонических реформ и вообще они —

«староцерковники», и даже «тихоновцы», но только легализованные). Однако митрополит Сергей понимал, что если он прямо обличит григориан в исполнении заказа ликвидаторов Церкви из ВКП(б), то сразу будет обвинен в «антисоветской пропаганде», и тогда одной подпиской о невыезде из Нижнего Новгорода власть в отношении него не ограничится. Поэтому он стал весьма искусно избегать указаний на политическую подоплеку организации ВВЦС и свою полемику с новоявленными раскольниками свел сугубо к канонической стороне дела.

Он задал архиепископу Григорию простой вопрос: «...какими каноническими основаниями Вы оправдываете свое начинание и какой канонически бесспорный источник Ваших полномочий Вы можете указать, чтобы возглавляемый Вами "ВВЦС" по своему происхождению и каноническому достоинству существенно отличался от бывшего "ВЦУ"»³ (имелось в виду обновленческое лже-ВЦУ 1922–1923 годов). На это председатель ВВЦС не смог ответить ничего более внятного, чем заявить, что «попечение

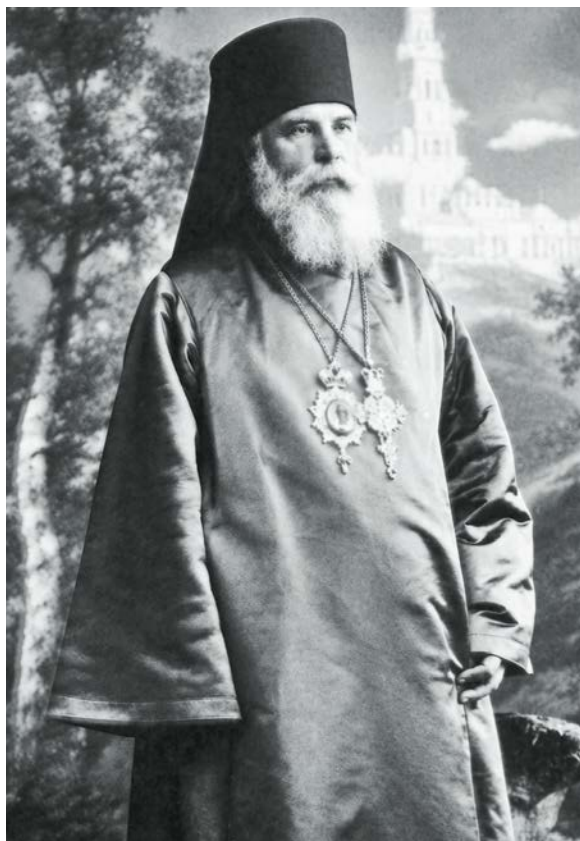

Заседание Временного Патриаршего Священного Синода. 1932 г.

Сидят, слева направо: архиепископ Полтавский Николай (Пирский), митрополит Ярославский Павел (Борисовский), митрополит Ташкентский и Туркестанский Никандр (Феноменов), митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), митрополит Одесский Анатолий (Грисюк), митрополит Харьковский Константин (Дьяков). Стоят, слева направо: епископ Калужский Павлин (Крошечкин), архиепископ Дмитровский Питирим (Крылов), архиепископ Иваново-Вознесенский Павел (Гальковский), епископ Брянский Даниил (Троицкий), епископ Сталинградский Петр (Соколов)

*Митрополит
Сергий
(Страгородский)
(слева)*

*Епископ Григорий
(Яцковский)*

о Церкви Божией... лежит вообще на всех и на каждом в отдельности епископе»⁴. Митрополит Сергий изящно парировал этот довод архиепископа Григория, напомнив ему: «Святая наша Церковь заповедала нам, епископам, каждому "знать свою меру" (Антиохийского собора, правило 10), хотя по хиротонии мы все равны и "творити только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих" (Апостольское правило 34); в остальном же знать "первого" в стране епископа и признавать его яко главу»⁵.

Не могли рядовые епископы, да еще и в весьма ограниченном числе (девять человек), по собственному почину учреждать из себя самих орган высшего управления Всероссийской Поместной Церкви — без какого-либо ведома ее Первоиерарха (митрополита Петра) или хотя бы его заместителя (митрополита Сергия). Григорианам оставалось лишь заявлять, что они-де ничего не знали о назначении Заместителя Местоблюстителя, да и вообще «игра в завещания неканонична». Однако подобного рода заявления звучали малоубедительно для церковных людей, и даже попытка ОГПУ втянуть в феврале 1926 года в интригу дезинфор-

мированного заключенного Патриаршего Местоблюстителя григорианам особо не помогла (митрополит Петр в итоге смог разобраться в ситуации и тоже осудил раскольническую деятельность организаторов ВВЦС).

К середине апреля 1926 года о своем принятии стороны Заместителя Местоблюстителя в его борьбе с григорианами заявили не менее сорока православных архиереев. Характерное

*Большой и малый
соборы Донского
монастыря
с 1926 г.
до закрытия
монастыря в июле
1929 г. находились
в ведении ВВЦС
(справа)*

*«Митрополит»
Григорий
(Яцковский)
в Александро-
Невской
(Лузинской) церкви
Свердловска.
Около 1928 г.*

отношение к новым раскольникам выразил епископ Мариупольский Антоний (Панкеев): «ВВЦС провалился... Это обновление № 2, но еще подлее и опаснее»⁶. Произвести полномасштабный раскол в Патриаршей Церкви с помощью григориан власти не удалось. По произведенным оценкам, число приходов, признавших ВВЦС (не только в 1926-м, но и за все другие годы), максимально «доходило до 2000, что составляло 6–7 % от общего числа староцерковнических приходов»⁷. Причем в основном они были сконцентрированы в нескольких епархиях — Свердловской, Ульяновской, Донской, а также на востоке УССР, где с григорианами скооперировались местные раскольники-лубенцы. Успехи обновленцев на пике их активности в 1922–1923 годах были на порядок более значительными. Скорее, эффект от выступления новых раскольников получился даже обратным. Неизвестно, сколько митрополит Сергей в силу своей прежней неоднозначной репутации получил бы признание в церковных кругах, если бы не возникло острой нужды в объединяющем православных центре борьбы с «обновлением № 2». В результате вместо «разложения тихоновцев» власть получила их консолидацию.

Однако историей с ВВЦС арсенал антицерковных интриг ОГПУ не ограничивался, и уже весной 1926 года Патриаршая Церковь оказалась в шаге от еще более серьезного потрясения, чреватого новым расколом. На роль тарана церковного единства, сам того не осознавая, большевистскими провокаторами выдвигался старейший иерарх Православной Российской Церкви — сподвижник и заместитель Патриарха Тихона митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), возвращавшийся из глухой сибирской ссылки в Нарымском крае, где он оказался из-за своего противодействия обновленцам в 1922 году.

Митрополит Агафангел, согласно последнему завещательному распоряжению Патриарха Тихона, был указан вторым (после митрополита Кирилла) кандидатом на исполнение патриарших обязанностей (а согласно более ранним завещаниям святителя Тихона 1922 и 1923 годов — первым). По этой причине его права на местоблюстительство могли казаться более предпочтительными, чем права митрополита Петра — по патриаршему завещанию третьего кандидата, но единственного, кто оказался в наличии в момент кончины святителя Тихона в апреле 1925 года. Тем более права митропо-

лита Агафангела на возглавление церковного управления выглядели предпочтительнее прав митрополита Сергия, который в патриарших завещательных распоряжениях вообще никак не фигурировал. Спровоцировать между ними острый спор о церковной власти становилось важнейшей задачей отвечающего за борьбу с Церковью 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ и лично его начальника Е. А. Тучкова.

В апреле 1926 года, когда митрополит Агафангел по окончании ссылки возвращался из Сибири в Ярославль, он был задержан в Перми, куда к нему приехал Тучков и повел переговоры о возглавлении и легализации Патриаршей Церкви. Как описывал события весьма осведомленный современник, «изобразив положение Церкви как близкое к катастрофе, внутреннюю борьбу "ВВЦС" и митрополита Сергия за власть как момент, не дающий правительству возможность легализовать Православную Церковь, к чему правительство якобы стремится, Тучков просил митрополита Агафангела урегулировать внутренние дела Церкви своим авторитетом и своими еще Патриархом данными полномочиями и войти с правительством в переговоры для оформления православного церковного управления»⁸. Ярославский святитель хотел неспешно ознакомиться с текущими церковными делами, обсудить их с наличным руководством Патриаршей Церкви, но чекист настоял на его незамедлительном выступлении.

В результате митрополит Агафангел прямо из Перми выпустил послание к Церкви, которым, ссылаясь на постановления Собора 1917–1918 годов об особых правах старейшего иерарха (они действительно там были обозначены, но далеко не столь широко, как думал Ярославский митрополит) и на завещательные распоряжения Патриарха Тихона (которые тоже были не столь однозначны), объявил о своем вступлении в исполнение обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола, не упомянув при этом не только митрополита Сергия, но даже и митрополита Петра. Такая странная поспешность не могла не вызвать смущения в церковных кругах, а ОГПУ дополнительно распустило слух о том, что митрополит Агафангел виделся с Тучковым и вошел с ним в секретное соглашение. Также, чтобы усилить соблазн, и деятели ВВЦС сразу же заявили о признании

местоблюстительства митрополита Агафангела. Складывалось впечатление, что его выступление и более раннее выступление григориан — это звенья одной цепи.

В такой ситуации митрополит Сергей ожидаемо отказался передавать митрополиту Агафангелу полномочия, поскольку митрополит Петр «совершенно определенно заявил, что считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а "назначенный им Заместитель несет свои обязанности до окончания дела" митрополита Петра». Митрополит Сергей вполне резонно замечал, что митрополит Петр «принял власть законным путем и, следовательно, может быть ее лишен только на законном основании, т. е. или в случае добровольного отказа, или по суду архиереев»⁹.

Митрополит Агафангел неожиданно для себя оказался чуть ли не похитителем высшей церковной власти, которой он вовсе не домогался, а, напротив, думал, что, соглашаясь на

*Митрополит
Ярославский
и Ростовский
Агафангел
(Преображенский).
1928 г.*

*Архиепископ
Агафангел
(Преображенский)
с ярославским
духовенством*

местоблюстительство, жертвует собой во благо Церкви. Митрополиту Сергию он не очень доверял, памятуя, как тот в 1922 году первым и единственным из архиереев такого высокого сана изменил своему Патриарху и своей Церкви, признав обновленческое лже-ВЦУ и призвав к этому других. Впоследствии митрополит Сергей в этом искренне покаялся и смог восстановить свой авторитет в церковных кругах — особенно своим умелым противодействием просоветским раскольникам-григорианам. Но митрополит Агафангел, пребывая в далекой ссылке, об этом мало что знал.

Радетели церковного единства, конечно, стремились не допустить разрастания конфликта двух выдающихся иерархов, пытались организовать их личную встречу и спокойное обсуждение вопроса о местоблюстительстве, но этому ловко препятствовали профессиональные провокаторы из ОГПУ. В итоге в мае 1926 года митрополиты Агафангел и Сергей смогли встретиться только лишь в лубянском кабинете Тучкова, где не без давления последнего пришли к соглашению о передаче первому вторым церковной власти по окончании дела митрополита Петра, если оно закончится его осуждением. Патриарший Местоблюститель в это время находился совсем неподалеку,

в камере Внутренней тюрьмы ОГПУ на той же Лубянке, но чекисты его приводить на переговоры митрополитов не стали, чтобы и далее держать в недоумении о происходящих в Церкви делах и сохранять возможность манипулирования им.

Митрополит Сергей очень быстро отказался от выполнения навязанной ему на Лубянке договоренности с митрополитом Агафангелом и, вернувшись в Нижний Новгород, написал ему письмо, в котором предложил ярославскому иерарху в случае осуждения митрополита Петра гражданским судом взять на себя инициативу о предании его суду церковному и только после этого предъявлять свои права, «как старейшего», на должность Заместителя Местоблюстителя. Иными словами — организовать «церковное» судилище над иерархом-исповедником, каковым уже почитался в Церкви гонимый митрополит Петр, подобно тому как в 1923 году иуды-обновленцы изобразили «церковный» суд над святым Патриархом Тихоном. Конечно, для святителя Агафангела такое предложение было совершенно неприемлемым, и он стал склоняться к отказу от своих прав на местоблюстительство, тем более что в Церкви его апрельское выступление не встретило сочувствия. Даже его собственные викарии —

архиепископы Иосиф (Петровых) и Серафим (Самойлович) — его не поддержали и умоляли не конфликтовать с митрополитом Сергием. Митрополит Агафангел и не хотел этого.

Однако ОГПУ не желало мирного урегулирования и вновь, как и в истории с ВВЦС, попыталось втянуть в интригу заключенного митрополита Петра. Ему было предложено Тучковым заявить о признании прав Ярославского митрополита, что он и сделал, написав тому, что «с любовью и благожелательностью» приветствует его вступление в исполнение обязанностей Местоблюстителя¹⁰. Митрополит Петр считал, что это вполне соответствовало смыслу завещательного распоряжения Патриарха Тихона — удерживать за собой всеми силами местоблюстительство он не собирался, думая исключительно о благе Церкви. При этом письмо митрополита Петра ОГПУ не стало сразу передавать митрополиту Агафангелу, чтобы использовать его в нужный чекистам момент для нового обострения ситуации в Церкви.

Тем временем митрополит Сергей ультимативно потребовал от митрополита Агафангела возобновить в Ярославской епархии поименование митрополита Петра как Патриаршего Местоблюстителя. В ответ митрополит Агафангел послал митрополиту Сергию телеграмму: «Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений, распоряжение о поименовании митрополита Петра сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от местоблюстительства»¹¹. Вслед за этим о своем отказе он известил и Тучкова. После этого святитель был срочно вызван в Москву, где чекист вручил ему письмо митрополита Петра с признанием его прав. В свете этого письма, как казалось, у митрополита Агафангела уже не оставалось оснований уклоняться от вступления в должность Местоблюстителя, а у митрополита Сергея — ему в этом препятствовать. Однако последний так не думал.

В разгар спора с митрополитом Агафангелом митрополит Сергей в начале июня 1926 года обратился в НКВД с ходатайством о своей регистрации в качестве временно исправляющего должность Местоблюстителя Патриаршего Престола и канцелярии при себе. Он также просил руководство НКВД «дать распоряжение о зарегистрировании местными администра-

тивными органами местной староцерковнической иерархии». «Дальнейшая наша задача по получении регистрации будет состоять в организации через выборы на соответствующих съездах коллективных органов правления для руководства церковными делами... Мы можем потом приступить к делу созыва Поместного нашего Собора во всесоюзном масштабе для выбора Патриарха, организации при нем Священного Синода и Высшего Церковного Совета и прочих церковных дел»¹².

Митрополит Сергей выражал готовность действовать в русле решений великого Московского Собора 1917–1918 годов, что не могло не располагать к нему православных ревнителей. К заявлению в НКВД он приложил проект своего послания, с которым предполагал обратиться к Церкви в случае успеха своего ходатайства. По своему смыслу этот весьма достойный проект был довольно близок к написанному почти одновременно с ним обращению православных епископов, заключенных на Соловецких островах: государственной власти давалось обещание гражданской лояльности со стороны деятелей Церкви, но при строгом соблюдении церковной аполитичности и без

Священноисповедник Агафангел, митрополит Ярославский и Ростовский. Современная икона

Майор
Е. А. Тучков,
начальник 6-го
отделения
Секретного
отдела ОГПУ

какого-либо «подкрашивания нашей веры под коммунизм»¹³. Власть таким подходом Заместителя была совершенно не удовлетворена: легализацию она предоставляла только тем «церковникам», которые соглашались «перекрашиваться» и «краснеть», работая затем в политических интересах большевиков (обновленцам, григорианам, лубенцам и другим подобным раскольникам). Июньское ходатайство митрополита Сергия о легализации было отклонено, но внутри Церкви его позиции заметно укрепились. Засвидетельствованная близость его позиции летом 1926 года к взглядам православных исповедников привела к тому, что Церковь тогда выбрала его, а не митрополита Агафангела, хотя формально права последнего выглядели предпочтительнее. Церковные ревнители оценили способность Заместителя противостоять интригам богоборческой власти, а митрополита Агафангела подозревали в сговоре с ОГПУ, что было несправедливо и для ярославского святителя весьма огорчительно.

Из оказанной ему поддержки митрополит Сергей сделал довольно своеобразные выводы. Сначала он объявил о предании митрополита Агафангела суду архиереев, якобы за «разрыв с Местоблюстителем»¹⁴. Когда же вскоре выяснилось, что никакого разрыва с митрополитом Петром у митрополита Агафангела нет, Заместитель указал ярославскому святителю на то, что «вручать верховные полномочия в Церкви лицу, находящемуся под церковным судом, невозможно»¹⁵. Чтобы ускорить отказ

Ярославского митрополита от притязаний на местоблюстительство, он стал грозить ему не просто церковным судом, но и лишением сана, а если митрополит Петр будет его (митрополита Агафангела) поддерживать, то лишением сана и его — Патриаршего Местоблюстителя. Последнее заявление митрополита Сергия выглядело уже совсем странным и неуместным (обновленцы потом немало позлорадствовали по этому поводу¹⁶). Священномученик Кирилл (Смирнов) впоследствии назовет такую манеру митрополита Сергия вести полемику «диалектической каноникой, развившейся до ужасающих размеров»¹⁷.

Видя, что дело принимает совсем скандальный поворот, святитель Агафангел написал Патриаршему Местоблюстителю письмо, в котором поблагодарил за оказанное ему доверие, но принимать местоблюстительство окончательно отказался «ввиду преклонности лет и крайне расстроенного здоровья». «При сем, — добавил он, — позволяю себе рекомендовать Вашей Святыне передать вместо меня Патриаршее местоблюстительство первоиерархам Кириллу [Смирнову], митрополиту Казанскому, или Арсению [Стадницкому], митрополиту Новгородскому»¹⁸. Вслед за этим об отказе от своих прав митрополит Агафангел уведомил и митрополита Сергия. Таким образом, ярославский святитель, проявив выдающееся величие духа и подлинно христианскую кротость, уберег Русскую Церковь от грозившего ей потрясения. Будь бы на его месте более властолюбивый и честолюбивый иерарх — был бы новый раскол, опаснее григорианского.

В результате описанной коллизии митрополит Сергей летом 1926 года сохранил церковную власть за собой, но его положение было весьма неустойчивым. Сам его титул — Заместитель Местоблюстителя («зам зама Патриарха») — не предусматривался никакими канонами. Заключение митрополит Петр был тогда перемещен из Москвы в Суздальский политизолятор, распространялись слухи о его скорой возможной кончине. В таком случае автоматически должно было прекратиться и замещение митрополита Сергия, а митрополит Агафангел мог бы уже с полным основанием претендовать на звание Местоблюстителя, что, однако, группе наиболее активных

тогда православных епископов казалось нежелательным. Они посчитали, что можно решить проблему возглавления Русской Православной Церкви более кардинально.

В условиях, когда не приходилось надеяться, что богоборческая власть позволит провести канонический Поместный Собор для избрания на нем преемника почившего Патриарха Тихона, возникла идея осуществить это избрание тайно, посредством своего рода «Духовного Собора» или «Собора по переписке» — через письменный опрос православных епископов. Главным инициатором такого опроса выступил епископ Рыльский Павлин (Крошечкин), которого быстро поддержали еще более двадцати архиереев. Митрополит Сергей, к которому епископ Павлин обратился со своей идеей, отнесся к ней весьма скептически, понимая, что она грозит новыми репрессиями со стороны власти, однако идти наперекор настроениям активной группы епископов он не мог, поскольку до того момента в своих спорах с архиепископом Григорием и митрополитом Агафангелом опирался именно на их поддержку. В конце концов, Заместитель уступил и согласился с проведением опроса, который, однако, был еще не собственно избранием Патриарха, а лишь предварительным выяснением мнения епископов, можно или нет избирать Предстоятеля столь необычным способом, и если да, то кого они считают наиболее достойными кандидатами. Организаторы выборов, однако, думали, что если результаты опроса архиереев будут достаточно однозначными (а они такими и получились), то можно будет признать их уже и самим избранием, послать нескольких уполномоченных епископов к избраннику для получения его согласия и незамедлительного совершения патриаршей интронизации, с тем чтобы поставить власть, да и вообще всех, перед фактом того, что у Православной Российской Церкви снова есть свой Святейший Патриарх — символ ее единства и внутренней свободы.

Получив письменное согласие от митрополита Сергея, епископ Павлин со своими помощниками начал объезжать православных епископов на территории СССР и собирать их письменные отзывы. Практически все опрошенные архиереи, около пятидесяти, высказались в пользу проведения тайных выборов

Патриарха, а предпочтительным кандидатом указали митрополита Казанского Кирилла (лишь двое епископов указали в качестве дополнительного кандидата еще и митрополита Нижегородского Сергия). По свидетельству одного из архиереев, вернувшегося незадолго до того из Соловецкого лагеря, заключенные там православные епископы (около двадцати) тоже обсуждали возможность тайного избрания Патриарха и согласились как с его необходимостью, так и с кандидатурой митрополита Кирилла. Такой выбор епископов был обусловлен высочайшим духовным авторитетом святителя Кирилла, а также тем, что срок его ссылки, в которую он был отправлен еще в 1922 году, закончился и ожидалось его скорое освобождение. При этом, по признанию епископа Павлина, самого митрополита Кирилла инициаторы выборов не поставили в известность о том, что его собираются избрать Патриархом¹⁹.

Митрополит Сергей вынужденно согласился с проведением предварительного опроса епископов, но с условием получения согласия заключенного митрополита Петра. Это требование Заместителя было резонным: нельзя избирать Патриарха без ведома Патриаршего Местоблюстителя, который канонически является главным ответственным за это избрание. Проблема была в том, что митрополит Петр находился почти в полной изоляции и получить его отзыв в обход ОГПУ было нереально. Митрополит Сергей как бы намекал организаторам выборов, что для успеха их начинания им надо бы и с заинтересованными представителями власти свое дело согласовать. Основные же усилия самого Заместителя в тот момент как раз и были направлены на дальнейшие переговоры с органами власти, с каковой целью он с разрешения ОГПУ приезжал из Нижнего Новгорода в Москву. Опрос архиереев для него имел лишь вспомогательное значение. На допросе в декабре 1926 года митрополит Сергей прямо показал: «...если бы мне удалось регистрация (юридическое оформление моего положения), все Кирилловское дело — т. е. выборы его в патриархи, а вернее, выборы патриарха вообще — отпало бы, так как в таком случае летом 27-го года предполагался созыв Поместного Собора, где вопрос о патриархе был бы решен. В случае неудачи регистрации

«Безбожник» — ежемесячный журнал Центрального и Московского областного советов Союза воинствующих безбожников. 1926 г. РНБ

дело продолжалось бы дальше (т. е. собрание голосов), независимо ни от чего»²⁰.

В составленном ОГПУ в декабре 1926 года «Обзоре политического состояния СССР» сообщалось: «Митрополит Сергей... склонен был принять меры к легализации управляемой им церкви на условиях, приемлемых для советского правительства. Однако под давлением наиболее активных черносотенных церковников он вынужден действовать в направлении избрания патриархом бывшего Казанского митрополита Кирилла, находящегося сейчас в ссылке»²¹. До избрания Патриарха, однако, дело не дошло и было пресечено на этапе предварительного опроса путем арестов как его организаторов, так и основного кандидата — митрополита Кирилла. Слишком много человек оказалось в него посвящено, чтобы сохранить его в тайне, тем более что у ОГПУ имелись свои осведомители и среди архиереев.

Весьма информированный современник — секретный курьер украинских православных епископов Г. А. Косткевич — писал по этому поводу: «В ноябре 1926 г. имелись уже подписи 72-х епископов под актом избрания митрополита Кирилла Патриархом. Казалось, вопрос мог быть уже решен, но как раз в этот момент произошло событие, нарушившее все планы и предположения. Епископ Павлин был внезапно арестован в Москве, где он находился проездом. Вслед за его арестом посыпались другие. Был арестован ряд епископов, чьи подписи стояли одними из первых под актом избрания митрополита Кирилла...»²² Согласно протоколу, при аресте у епископа Павлина были изъяты «список епископов православной церкви 1926 г., обращение митрополита Сергия об избрании митрополита Кирилла... три письма, разбросанные списки епископов 7 листов, молитва рукописная, заявление Павлина к митрополиту Сергию»²³. Эти документы, несомненно, могли бы лучше прояснить историю неудачных тайных выборов Патриарха, но из архивно-следственного дела они были изъяты и к церковным историкам не попали.

Митрополит Сергей был арестован в Нижнем Новгороде и в середине декабря 1926 года препровожден в Москву во Внутреннюю тюрьму ОГПУ. Его арест поставил вопрос о дальнейшем возглавлении церковного управления. Составить собственное завещание о преемстве власти он не успел или не счел нужным, так как еще не было исчерпано завещательное распоряжение митрополита Петра декабря 1925 года. Упомянутый в нем Экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков) сразу отказался принимать это распоряжение, но оставался третий кандидат — бывший архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых), ставший в августе 1926 года митрополитом Ленинградским. Митрополит Иосиф, однако, находился под сильным подозрением у власти, поэтому заранее сам составил завещание о преемстве и действительно вскоре был выслан в отдаленный Моденский монастырь Череповецкой епархии. Первым из указанных им новых кандидатов в Заместители Местоблюстителя был архиепископ Екатеринбургский Корнилий (Соболев), но он тоже был арестован как один из главных фигурантов истории с «тайными выборами». Второй — святой ар-

хиепископ Астраханский Фаддей (Успенский) попытался выехать в Москву для принятия дел высшего церковного управления, но был задержан в пути.

Наименее неприемлемым для себя власть сочла третьего кандидата — архиепископа Угличского Серафима (Самойловича), который и вступил в самом конце 1926 года в управление Русской Православной Церковью, находясь в своем кафедральном городе Угличе. Свое стодневное правление он начал с того, что призвал собратьев-архипастырей сократить переписку и сношения с ним до минимума, «предоставляя все дела, кроме принципиальных и общецерковных (как, например, избрание и хиротония во епископа), решать окончательно на местах»²⁴. Понимая, что в условиях постоянных происков органов госбезопасности, стремившихся поставить высшее церковное управление под полный контроль и сделать его орудием проведения своей политики, нормальная работа все равно невозможна, архиепископ Серафим решил свести функции этого управления к минимуму. Тем самым сводились к минимуму и возможности ОГПУ действовать через высшую церковную власть во вред Церкви.

К тому времени, в ноябре 1926 года, был, наконец, вынесен приговор по затянувшемуся следственному делу Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра. Его приговорили к трем годам ссылки на Урал. Почти годичный срок, прошедший с момента его ареста и до осуждения, объяснялся тем, что богоборческая власть пыталась его использовать в своих ин-

тересах, которые заключались в том, чтобы во главе церковного управления стояли послушные ей люди и проводили политику, способствующую внутреннему разложению и дискредитации Церкви. Интересы Церкви были прямо противоположными: сохранить собственное единство и независимость от безбожной власти в своей внутренней жизни. Несмотря на титанические усилия богоборцев, Православной Российской Церкви это в 1926 году удавалось, хотя бы и ценой личной свободы ее лучших представителей.

Начальник Секретного отдела ОГПУ Т. Д. Дерибас был весьма разочарован результатами работы своих подчиненных с «тихоновцами». В записке Тучкову он ставил ему на вид успехи своих украинских коллег в борьбе с местными «церковными петлюровцами» (самосвятами-липковцами), которых ГПУ УС-СР смогло полностью разложить изнутри и подчинить себе. Он писал: «Оказывается, напрасно мы волновались по поводу результатов погрома Липковщины: они оказались блестящими. И репрессалии были пустяковые, и шуму было очень мало, а между тем они поставили на оба колена автокефалистов. Сделали то, что мы хотим сделать с тихоновцами, но никак не можем сделать»²⁵. В отличие от украинских националистов-автокефалистов, православные «тихоновцы» перед профессиональными партийно-советскими богоборцами на колени не вставали. Героическая борьба за внутреннюю свободу и достоинство Патриаршей Церкви, пусть и в условиях ее «святого бесправия», продолжалась...

¹ «Авво мой родной!» Письма священномученика митрополита Кирилла (Смирнова) преподобномученику архимандриту Неофиту (Осипову) 1933–1934 гг. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 126.

² Подробнее см.: Мазырин А., свящ. Совместная борьба российских и украинских иерархов с церковными расколами середины 1920-х гг. // <https://bogoslav.ru/materials/article/sovmeznaya-borba-rossiiskikh-i-ukrainskikh-ierarkhov-s-tserkovnimi-raskolami-seredini-1920-kh-gg>

³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. М., 1994. С. 428.

⁴ Там же. С. 429.

⁵ Там же. С. 432.

⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 557.

⁷ Лавринов В., прот. Временный Высший Церковный Совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945). М., 2018. С. 156.

⁸ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней / публ., вступит. ст. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 10.

⁹ Акты Святейшего Тихона... С. 457–458.

¹⁰ Там же. С. 463.

¹¹ Там же. С. 467.

¹² Там же. С. 471.

¹³ Подробнее см.: Мазырин А., свящ. Памятная записка соловецких иерархов-исповедников 1926 года как ответ Церкви на вызовы эпохи богоборчества // Журнал Московской Патриархии. 2026. № 8. С. 50–61.

¹⁴ Акты Святейшего Тихона... С. 468–469.

¹⁵ Там же. С. 480.

¹⁶ См., например: История тихоновских местоблюстителей перед Соборной правдой // Украинский православный благовісник. 1927. № 24. С. 350–351. Акты Святейшего Тихона... С. 654.

¹⁷ Там же. С. 475.

¹⁸ Подробнее см.: Мазырин А., свящ. «Духовный Собор» епископов и вопрос о тайных выборах Патриарха в 1926 г. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 2 (45). С. 20–43.

¹⁹ Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004. С. 254.

²⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. Ч. 2. С. 829.

²¹ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней. С. 114.

²² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 28.

²³ Акты Святейшего Тихона... С. 490.

²⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 615.